А. Пругавинъ.

Прошлое и настоящее Шлиссельбургской крѣпости.

Изд. „Донская Рѣчь"
Парамонова
въ Ростовѣ н-Д.

Изданія „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону:

В. Алексѣевъ—Народовластіе въ древней Руси . . . . . 20 к.
В. Алексѣевъ—Земскіе соборы древней Руси . . . . . 15 к.
Феликсъ Гра—Марсельцы. Повѣсть изъ временъ французской революціи . . . . . 35 к.
Н. Карышевъ—Экономическія бесѣды . . . . . 20 к.
К. Каутскій—Ирландія . . . . . 15 к.
К. Каутскій—Противорѣчіе классовыхъ интересовъ во Франціи въ 1789 г.
А. Кизеветтеръ—Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII—XIX вв. . . . . 15 к.
А. А. Кизеветтеръ—Русское общество въ XVIII столѣтіи . . . 15 к.
А. А. Кизеветтеръ—Девятнадцатый вѣкъ въ исторіи Россіи . . 15 к.
А. Кизеветтеръ—Протопопъ Аввакумъ . . . . . 8 к.
А. Кизеветтеръ—Кузнецъ-гражданинъ (изъ эпохи 60-хъ годовъ) 15 к.
В. Мякотинъ—На зарѣ русской общественности . . . . . 20 к.
Д. Петрушевскій—Великая хартія вольностей . . . . . 15 к.
А. Пругавинъ—Прошлое и настоящее Шлиссельбургской крѣпости 8 к.
Б. С.—**Трудъ и Капиталъ.** Первоначальныя свѣдѣнія по политической экономіи . . . . . 20 к.
В. Стрѣевъ—Московское Государство передъ реформами . . . . 20 к.
Вл. Щербина—Исторія русской школы . . . . . 8 к.

1. **Е. Г. Короленко**—Пріемышъ [съ картинками] . . . . . 2 к.
2. **В. І. Дмитріева**—Майна-вира [съ картинками] . . 3 к.
3. **Е. Н. Чириковъ**—Маленькій грѣшникъ . . . 1 к.
4. **Л. Н. Андреевъ**—Баргамотъ и Гараська [съ картинк.] 1½ к.
5. **А. И. Свирскій**—Захромала 1 к.
6. **Крандіевская**—Для души 2 к.
7. **Е. Н. Чириковъ**—Свинья . 2 к.
8. **В. И. Немировичъ-Данченко**—Старый замокъ . . 3 к.
9. **А. И. Свирскій**—Забракованный . . . . . 2 к.
10. **С. Баранцевичъ**—На посту 3 к.
11. **В. І. Дмитріева**—Ее всѣ знаютъ . . . . . 3 к.
12. **К. М. Станюковичъ**—За „Щупленькаго“ . . . . . 2 к.
13. **И. И. Митропольскій**—Вода 2 к.
14. **А. Серафимовичъ**—Месть . 3 к.
15. **Л. Мельшинъ**—Искорка . . 3 к.
16. **Л. Мельшинъ**—Чортовъ Яръ 4 к.
17. **Л. Н. Андреевъ**—Гостинецъ 2 к.
18. **Л. Н. Андреевъ**—Петька на дачѣ . . . . . 2 к.
19. **В. І. Дмитріева**—Мама на войнѣ . . . . . 3 к.
20. **Л. Андреевъ**—Въ Сабуровѣ 2 к.
21. **Н. П. Бѣлоконскій**—Страховка . . . . . 2 к.
22. **П. А. Ивашева**—Мой день . 2 к.
23. **В. Г. Короленко**—Ночью [съ рис. Е. Бемъ] . . . . . 5 к.
24. **Н. И. Тимковскій**—Среди людей . . . . . 5 к.
25. **С. Ф. Русова**—Біографія Гарибальди [съ портр.] . . . 4 к.
26. **С. Т. Семеновъ**—Отчего Парашка не выучилась грамотѣ 3 к.
27. **Н. Н. Златовратскій**—Мечтатели . . . . . 4 к.
28. **А Купринъ**—Ночная смѣна 3 к.
29. **Э. Ожешко**—Гедали . . . 3 к.
30. **С. Юшкевичъ**—Хаимка и Іоська . . . . . 2 к.
31. **В. Вересаевъ**—Въ пути . . 1 к.
32. **И. Франко**—Самъ виноватъ 1½ к.
33. **И. Алексѣевъ**—Изъ-за хлѣба насущнаго. „Лишній“ . . 1½ к.
34. **А. Серафимовичъ**—Стрѣлочникъ . . . . . 3 к.
35. **В. Вересаевъ**—Въ сухомъ туманѣ . . . . . 2 к.
36. **Н. Н. Митропольскій**—Отсрочка . . . . . 1 к.
37. **А. Яблоновскій**—Удружилъ 1 к.
38. **И. Франко**—Хорошій заработокъ . . . . . 1 к.
39. **А. Крандіевская**—На работу 2 к.
40. **Остоя**—Поденщикъ . . . . 2 к.
41. **Некрасовъ и Никитинъ**—Избранныя стихотворенія . 4 к.
42. **И. А. Бунинъ**—Байбаки . . 3 к.
43. **А. И. Петровскій**—Не дался 1 к.
44. **В. І. Дмитріева** — Бѣлыя крылья . . . . . 2 к.
45. **А. Серафимовичъ**—Въ бурю 3 к.
46. **А. Яблоновскій**—Конокрадъ 3 к.

А. Пругавинъ.

Прошлое и настоящее Шлиссельбургской крѣпости.

Изд. „Донская Рѣчь“
Парамонова
въ Ростовѣ н-Д.

Ростовъ на Дону.
Типографія Т-ва „Донская Рѣчь“.
1904.

Дозв. цензурою 23 октября 1904 года. Ростовъ на Дону.

Прошлое и настоящее
Шлиссельбургской крѣпости.

Іюль мѣсяцъ 1880-го года мнѣ пришлось прожить въ деревнѣ Дубровкѣ, на Невѣ, около Ладожскаго озера,—«въ родѣ какъ на дачѣ», по словамъ моего хозяина.

Какъ-то разъ вечеркомъ заходитъ ко мнѣ этотъ хозяинъ и спрашиваетъ, не поѣду-ли я въ «Шлюсинъ»?.

Шлюсиномъ народъ величаетъ здѣсь уѣздный городъ Шлиссельбургъ.

— Тамъ завтра (разговоръ происходилъ 7-го іюля) престольный праздникъ Казанской Божіей Матери... Явленная икона... Народу что на этотъ праздникъ собирается—страсть! со всѣхъ мѣстъ. Пароходы только лишь успѣваютъ перевозить... Икона чудотворная, многимъ, говорятъ, помогаетъ... И явилась-то она, спервоначалу въ крѣпости, а ужъ опосля ее, значитъ, въ городъ перенесли. Одначе этотъ день и понынѣ въ крѣпости соблюдаютъ. Невольниковъ выпущаютъ во дворъ и ходятъ они по двору на волѣ цѣлый день... Крѣпость—и ту на этотъ день отворяютъ и всѣхъ, кто, значитъ, только пожелаетъ—всѣхъ туда пу-

щаютъ. Такое уже разрѣшеніе стало быть—что хошь смотри...

— Да полно, такъ ли это?

Начались энергическія увѣренія, которыя, въ концѣ концовъ, вполнѣ убѣдили меня въ справедливости разсказа. И такъ—ѣду. Это интересно.

Въ разное время мнѣ не разъ приходилось проѣзжать на пароходѣ мимо Шлиссельбурга. И каждый разъ невольно приковывали къ себѣ вниманіе эти сѣрыя, мрачныя, торчащія прямо изъ воды, стѣны крѣпости. Впечатлѣніе это еще болѣе усиливалось зловѣщимъ видомъ широкихъ крѣпостныхъ башенъ съ едва замѣтными амбразурами крохотныхъ оконъ.

Въ обществѣ распространено безчисленное множество разсказовъ и легендъ изъ временъ, давно минувшихъ, объ ужасахъ пожизненнаго заточенія, о погребеніи заживо въ каменныхъ «мѣшкахъ» Шлиссельбургской крѣпости и проч. и проч. Всѣ эти легенды въ значительной степени, конечно, имѣютъ историческую почву. Но вотъ что странно. Многіе и до сихъ поръ наивно убѣждены, что Шлиссельбургская крѣпость и по настоящее время служитъ мѣстомъ заключенія для разныхъ «интересныхъ» и «секретныхъ» арестантовъ.

Каюсь: и я, пишущій эти строки, до посѣщенія крѣпости, никогда не сомнѣвался въ томъ, что въ ней до сихъ поръ томятся преступники противъ вѣры и государства. Теперь же, послѣ того, какъ я побывалъ въ этой крѣпости, обошелъ ея казармы, казематы, коридоры, башни, «мѣшки» и т. п., теперь я ясно вижу, какъ грубо заблуждался я, и какъ до сихъ поръ заблуждается чуть ли не большинство нашего общества относительно той роли, какую играетъ эта крѣпость въ настоящее время.

Но не буду забѣгать впередъ.

8-го іюля, въ десять часовъ утра, пароходъ привезъ меня въ Шлиссельбургъ. Со мной были вещи, и потому

понятно, что первая мысль, по пріѣздѣ, была объ извозчикѣ.

— Извозчики здѣсь есть?

— Какъ же-съ, есть...

— Гдѣ жъ они?

— Да, признаться, у насъ одинъ извозчикъ-то, такъ должно уѣхавши куда-нибудь.

— А гостиницы есть?

— Ка-акъ же-съ, сколько угодно... Лондонъ, Европа Вѣна, Рязань... Невская волна, Золотой Бережокъ.. сколько угодно.

— И можно остановиться, переночевать?

— Едва ли-съ.. По правдѣ сказать—невозможно-съ. Потому, первое дѣло продажа питій, распивочно значитъ и навыносъ—все тутъ вмѣстѣ... А затѣмъ-съ черный народъ... И навалило этого самаго чернаго народу видимо—невидимо... Опять-же клопы, блохи... и даже, съ позволенія сказать ..

— Ну, а пообѣдать въ гостиницѣ можно?

— Отчего-же?... можно!.. сколько угодно.

Устроившись кое-какъ на частной квартирѣ, я выхожу на улицу. Повсюду большое оживленіе. Народъ толпами спѣшитъ къ обѣднѣ. Толпы стоятъ вокругъ церкви въ ожиданіи крестнаго хода.

— Образковъ-то, образковъ-то, баринъ, хорошій!... купите! окрикиваетъ толстая торговка съ багрово-краснымъ лупившимся отъ солнца лицомъ.

Она ужасно хлопочетъ; ее со всѣхъ сторонъ окружили покупатели, и она едва успѣваетъ наскоро завертывать въ бумагу продаваемые образки.

— Вамъ кого?.. Какого угодника?.. Отъ какой болѣсти?.. Митрофана Воронежскаго? Зосима Савватія? Германа? Тихона Задонскаго?..

— Отъ зубовъ, матушка, стонетъ какая-то старуха, замучили до чиста, моченьки нѣтъ...

— Отъ зубовъ?.. Извольте, извольте, матушка, Бони-

фатій св. угодникъ, 20 копеекъ.

— Нельзя ли, матушка, пятнадцать?

— Полно, полно, не грѣши, не торгуйся, бери съ Богомъ. Помолись—какъ рукой сниметъ...

Какая-то старуха—богомолка, несмотря на теплый, солнечный день, вся укутанная во всевозможное тряпье, вмѣшивается въ разговоръ.

— Не вѣрь, голубушка,—наставительно обращается она къ покупщицѣ,—Бонифатій не зубной угодникъ. Отъ зубовъ помощь даетъ Антипій праведный, а Бонифатій тотъ совсѣмъ по другой части.

Торговка вскипѣла.

— Какъ по другой части?! По какой-же это части онъ по твоему?.. Слушай ты ее больше, чего еще она тутъ не навретъ... Ишь какая явилася, — хуже тебя понимаютъ... У-у, бродяга... А коли хошь знать, кто по зубной части, такъ я тебѣ скажу, что лучше Пантелеймона святителя нѣтъ никого!.. Хочешь? Получай—тридцать пять копеекъ штука, за пару пятачекъ уступлю...

— Мнѣ бы отъ чихотки,—нерѣшительно и мрачно произноситъ какой-то сухопарый мужикъ съ худымъ землистаго цвѣта лицомъ, съ заострившимся носомъ и впалой, тщедушной грудью. Безпокойнымъ взглядомъ маленькихъ, глубоко-ввалившихся глазъ осматриваетъ онъ длинные ряды образковъ, симметрично расположенныхъ на прилавкѣ.

— Отъ чего?

— Отъ чихотки,—глухо слышится изъ больной надорванной груди.

— Отъ чихотки нѣтъ... Отъ грыжи есть... Отъ поноса тоже есть, а отъ чихотки нѣтъ.

— Нѣту ти?... Неужто-жь такъ-таки ни единаго?...

— Да нѣту же, говорятъ тебѣ толкомъ.... Ишь присталъ, прости Господи. Подавай ему отъ чихотки да и шабашъ!

Стоящіе тутъ же какіе то ни то прикащики, ни то

молодые провинціальные купчики въ долгополыхъ суконныхъ, съ иголочки, сюртукахъ, съ пухлыми, лоснящимися лицами, весело хохочутъ.

— Захотѣлъ тоже.... ха-ха-ха.... Отъ чихотки!... Нѣтъ, братъ, шалишь.... Она, братъ, чихотка-то, шалить не любитъ... н-да, сдѣлай милость, она, братъ, скрутитъ...

Купившіе образки идутъ въ часовню, что стоитъ направо отъ площади. Здѣсь происходитъ освященіе образковъ. Священникъ, съ подозрительно припухлымъ лицомъ, въ полномъ облаченіи стоитъ предъ аналоемъ, на который всѣ приходящіе кладутъ свои образки. Онъ кропитъ ихъ святой водой и поетъ молитвы; дьячекъ зычнымъ басомъ вторитъ ему съ клироса. Вотъ какой-то мѣщанинъ съ золотушнымъ лицомъ и кривыми ногами свертываетъ въ клѣтчатый платокъ цѣлую кучу только что освященныхъ образковъ. Къ нему подходитъ какая-то баба и плаксивымъ голосомъ спрашиваетъ, что стоитъ освященіе образка.

— Такціи нѣтъ—сурово возражаетъ золотушный буржуа,—по силѣ возможности... Извѣстно, меньше пятачка не полагается... Одначе гуртомъ не въ примѣръ дешевле...

Первый часъ. Пора въ крѣпость.

Шлиссельбургская крѣпость расположена на маленькомъ островкѣ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Нева вытекаетъ изъ Ладожскаго озера. Островокъ этотъ такъ малъ, что крѣпостныя стѣны во многихъ мѣстахъ идутъ прямо изъ воды. Въ одномъ только мѣстѣ зеленѣетъ крохотный клочекъ земли, а затѣмъ повсюду—вода и камень. Изъ-за стѣнъ виднѣется лишь шпиль колокольни да кургузый куполъ церкви. Узкій проливъ, саженъ во сто, отдѣляетъ крѣпость отъ того мѣста материка, гдѣ стоитъ г. Шлиссельбургъ. Съ противоположной же стороны къ ней подходитъ далекая ширь Ладожскаго озера. При истокѣ Невы изъ озера, какъ разъ напротивъ крѣпости, ютится бѣдная деревнюшка Шереметьевка. Между этой деревнею и крѣпостью издавна установилась тѣсная связь. Де-

ревня поставляетъ въ крѣпость, какъ для служащихъ въ ней, такъ и для арестантовъ, молоко, яйца, куръ, дрова и т. п. Въ числѣ старожиловъ этой деревни есть одинъ древній старикъ, который можетъ поразсказать много интереснаго о содержавшихся здѣсь нѣкогда узникахъ. Мнѣ передавали, что недавно одному весьма высокопоставленному лицу, нарочно пріѣзжавшему сюда изъ Петербурга, удалось при помощи этого старика отыскать могилу своего родственника, умершаго въ Шлиссельбургской крѣпости во время заточенія.

Сообщеніе крѣпости съ городомъ производится при посредствѣ особыхъ казенныхъ катеровъ, на которыхъ гребцами являются настоящіе, заправскіе матросы.

Несмотря на сильную качку, катеръ быстро подвигался впередъ. Публики набралось довольно много; преобладалъ «черный народъ»; интеллигенція совершенно отсутствовала. Разговоръ во все время переѣзда вертѣлся около иконы, крѣпости и «невольниковъ». Больше всѣхъ говорилъ «ундеръ» изъ крѣпостной команды.

— А много ли всѣхъ невольниковъ будетъ? спрашиваетъ кто-то изъ публики.

— Порядочно,—говоритъ ундеръ,—безъ мала человѣкъ четыреста будетъ.

— Я думаю, другіе есть-ти такъ что совсѣмъ безвинно-напрасно,—нерѣшительно заявляетъ какая-то поддевка.

— За напрасно не посадятъ, это пустое нечего говорить,—возражаетъ ундеръ,—только что дѣйствительно другой за самые то-исть за пустяки. Грубое слово сказалъ начальнику особливо выпивши,—шабашъ!.. Али опять «промотаніе казенныхъ вещей». Всѣхъ-то вещей, ежели ихъ продать, право пятіалтынный красная цѣна. Однако же на это не смотрятъ, а сичасъ судъ да и въ крѣпость...

— А политическихъ много? спрашиваю я.

— Политическихъ? Политическихъ здѣсь нѣтъ ни одного, категорически заявляетъ ундеръ. Сюда сажаютъ

только нижнихъ чиновъ за буйство, за ослушаніе, за растрату казенныхъ вещей, за дерзости начальству... за неповиновеніе... (за воровство сюда тоже ни одного не посадятъ)... А политическихъ здѣсь нѣтъ ни единаго.

«Ладно,—недовѣрчиво думаю я,—разсказывай больше».

Катеръ подъѣзжаетъ къ пристани. Мы выходимъ на крохотный клочекъ берега, примыкающій къ крѣпостной стѣнѣ. Почти въ самой срединѣ стѣны высится широкая, массивная башня, называемая «государевой». Черезъ эту башню идетъ ходъ въ крѣпость; день и ночь ходъ этотъ оберегается крѣпкимъ карауломъ. Насъ пропускаютъ, однако, безъ всякихъ процедуръ и затрудненій.

Направо и налѣво отъ входа, вдоль крѣпостныхъ стѣнъ, расположены помѣщенія для арестантовъ и конвоя; тутъ же помѣщаются различныя мастерскія. Крѣпостной дворъ представляетъ собою маленькую площадку, стиснутую со всѣхъ сторонъ угрюмыми тюремными стѣнами. На этой площадкѣ расположены: церковь, домъ коменданта крѣпости, разныя службы и другія постройки, въ которыхъ помѣщаются офицеры, докторъ, священникъ и т. д. Зелень газоновъ и небольшія группы деревьевъ, расположенныя между постройками, не въ состояніи смягчить тяжелаго впечатлѣнія, навѣваемаго общимъ видомъ тюремныхъ стѣнъ и башенъ.

Всѣ, пріѣхавшіе на катерѣ, направились въ церковь. Но оказалось, что мы опоздали: обѣдня уже окончилась, и священникъ вмѣстѣ съ явленной иконой уѣхалъ въ городъ для участія въ крестномъ ходѣ. Насъ встрѣтилъ лишь одинъ церковный сторожъ. На мой вопросъ: нѣтъ ли въ церкви какихъ-нибудь замѣчательныхъ древностей? онъ повелъ меня въ алтарь и показалъ тамъ крестъ и евангеліе, пожертвованные Петромъ Великимъ. Это единственныя вещи, имѣющія историческое значеніе. По стѣнамъ церкви, въ разныхъ мѣстахъ, виднѣются позолоченныя доски съ вырѣзанными на нихъ надписями, гласящими о погребеніи тутъ комендантовъ крѣпости.

— А что, можно осмотрѣть архивъ и библіотеку крѣпости?

— Не могу знать. Это зависитъ отъ полковника. Можетъ, они и разрѣшатъ. Нужно обратиться къ дежурному офицеру. Прежде на этотъ счетъ было очень строго, то-ись и-и-и, вотъ какъ строго, бяда! Ну, а теперь полегче.

Дежурнымъ офицеромъ оказался г. Х, любезный образованный молодой человѣкъ. Онъ съ готовностію предложилъ свои услуги и вызвался быть моимъ чичерони.

— Въ нашемъ архивѣ теперь нѣтъ ничего интереснаго,—предупредилъ онъ.—Прежде, дѣйствительно, крѣпостной архивъ представлялъ большой интересъ, но въ настоящее время въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ дѣлъ и переписки чисто хозяйственнаго характера.

— Куда же дѣвался прежній архивъ?

— Въ 1869 г. онъ былъ перевезенъ отсюда въ III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, такъ какъ съ этого года прекратилась ссылка сюда политическихъ преступниковъ.

— Совершенно прекратилась? недовѣрчиво спрашиваю я.

— Совершенно. Вотъ уже десять лѣтъ какъ здѣсь нѣтъ политическихъ.

— Ни одного человѣка?

— Ни одного.

— А религіозныхъ преступниковъ, т. е. преступниковъ противъ вѣры?

— Теперь точно также нѣтъ ни одного... Въ настоящее время Шлиссельбургская крѣпость не что иное какъ дисциплинарный баталіонъ, сюда заключаются нижніе воинскіе чины за нарушеніе дисциплины, за ослушаніе и т. п. Заключаются не иначе какъ по суду. Для наблюденія за ними здѣсь имѣется военная команда изъ 60 человѣкъ солдатъ и нѣсколькихъ офицеровъ.

— Когда-же именно произошла та перемѣна, о которой вы говорите?

— До 1869 года Шлиссельбургская крѣпость дѣйствительно, была чуть-ли не главнымъ мѣстомъ ссылки и заточенія преступниковъ противъ вѣры и государства. Сюда высылались наиболѣе важные изъ секретныхъ арестантовъ. Но въ 1869 году всѣ подобнаго рода преступники были выведены отсюда, и крѣпость обращена въ военно-исправительныя арестантскія роты. Наконецъ, спустя десять лѣтъ, въ прошломъ 1879 году, исправительныя роты были уничтожены, и крѣпость обращена въ дисциплинарный баталіонъ.

— А много было выведено отсюда арестантовъ при обращеніи крѣпости въ исправительныя роты?

— Говорятъ до семидесяти человѣкъ. Всѣ они были, какъ слышно, размѣщены по разнымъ центральнымъ тюрьмамъ... Но если вамъ угодно посмотрѣть архивъ, то намъ нужно подняться въ башню.

Мы отправились. Пройдя нѣсколько узкихъ полутемныхъ коридоровъ, поднявшись по кривымъ лѣстницамъ, грубо высѣченнымъ въ каменной массѣ, мы вошли въ довольно большую комнату круглой формы. Темно, сыро, грязно. Прежде эта комната служила арестантской кельей. Теперь она обращена въ архивъ; вдоль стѣнъ идутъ длинныя полки, заваленныя грудами пыльныхъ грязныхъ бумагъ. Пересмотрѣвши заголовки дѣлъ и описей, я убѣдился, что мой новый знакомый, былъ совершенно правъ, говоря, что архивъ не представляетъ въ себѣ ничего интереснаго въ историческомъ отношеніи. Онъ состоялъ исключительно изъ дѣлъ о хозяйственной части военно-исправительныхъ ротъ, помѣщавшихся въ крѣпости съ 1869 по 1879 г.

— Вѣроятно, при крѣпости имѣется библіотека?

— До 69 года здѣсь была громадная, можно сказать, замѣчательная библіотека. Она состояла не только изъ русскихъ книгъ, но и французскихъ, и нѣмецкихъ, и

англійскихъ. Библіотека эта составлялась въ теченіе долгихъ лѣтъ. Здѣсь въ прежнее время нерѣдко содержались богатые, образованные и ученые люди, обладавшіе значительными, иногда огромными средствами. Многіе изъ нихъ, сидя здѣсь, выписывали сюда свои библіотеки и, послѣ смерти или освобожденія, жертвовали ихъ въ пользу крѣпости. Затѣмъ правительство ежегодно ассигновывало довольно крупную сумму на пополненіе этой библіотеки, такимъ образомъ она росла все больше и больше. Но въ 69 году вся эта библіотека, вмѣстѣ съ архивомъ, передана была въ III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. У насъ остались теперь лишь жалкіе остатки отъ этой библіотеки.

— Можно ли посмотрѣть тѣ казематы, въ которыхъ томились въ прежнее время арестанты?

— О, конечно, можно. Только нужно вамъ замѣтить, что въ настоящее время всѣ эти камеры или какъ вы говорите, казематы совершенно передѣланы. Одиночныя камеры обращены большею частью въ карцеры, куда теперь сажаютъ на двѣ недѣли каждаго новаго арестанта, присылаемаго сюда.

— Это зачѣмъ-же?

— Да ужъ такой уставъ—для смиренія и предупрежденія. По выходѣ-же изъ карцера арестанты размѣщаются въ общихъ палатахъ. Эти палаты большею частію сдѣланы также изъ прежнихъ одиночныхъ камеръ.

— Сколько же всѣхъ арестантовъ въ настоящее время въ крѣпости?

— Триста пятьдесятъ или триста шестьдесятъ человѣкъ. Хотя полный штатъ считается въ 600 человѣкъ, но размѣстить такое количество въ нашей крѣпости рѣшительно невозможно. И при настоящемъ числѣ арестантовъ чувствуется тѣснота....

«Казематы», или попросту карцеры, оказались микроскопическими каморками, расположенными вдоль длиннаго корридора. Въ каждую изъ этихъ каморокъ ведетъ

особая дверь; въ дверяхъ маленькія отверстія для передачи арестанту пищи. Отворяемъ одну изъ этихъ каморокъ и входимъ... Разъ, два, три. Три шага въ ширину и четыре съ половиною въ длину каждая... По теперешнему виду этихъ казематовъ невозможно составить себѣ даже приблизительнаго понятія о томъ, что представляли они собою въ прежнія времена. Это были канары въ полномъ смыслѣ слова. Темныя, грязныя, сырыя, тѣсныя, онѣ гораздо болѣе походили на глухія, подземныя норы, чѣмъ на помѣщенія, назначенныя для живыхъ людей. Не то теперь. Изъ прежнихъ щелей сдѣланы большія, свѣтлыя окна; эти окна вмѣстѣ съ чисто выбѣленными стѣнами придаютъ уютный, почти веселый видъ этимъ крохотнымъ конуркамъ.

Я спросилъ своего спутника, не сохранилось-ли казематовъ отъ прежняго времени въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они существовали въ былыя времена?

— Какъ же, есть,—отвѣчалъ X,—они называются мѣшками. Если угодно, я покажу вамъ мѣшокъ, въ которомъ томился несчастный Іоаннъ Антоновичъ. Еще недавно для осмотра этого мѣшка сюда нарочно пріѣзжалъ Данилевскій, авторъ извѣстныхъ историческихъ романовъ... Принцъ Іоаннъ былъ перевезенъ сюда изъ Холмогоръ въ началѣ 1756 года. Сержантъ лейбъ-компаніи Савинъ вывезъ его изъ Холмогоръ тайно, въ глухую ночь. Въ бумагахъ онъ назывался не иначе, какъ «безыменнымъ колодникомъ». Впослѣдствіи это сдѣлалось обыкновеннымъ правиломъ: попадавшіе сюда узники большею частью теряли свое имя; взамѣнъ его ихъ называли по номеру, стоявшему на дверяхъ ихъ каземата... Содержали ихъ здѣсь съ необыкновенною строгостью. Они не могли переступать порога своей кельи; къ нимъ никого не допускали. Въ то время, когда здѣсь содержался Іоаннъ Антоновичъ, Шуваловъ писалъ начальнику караула, что если бы даже самъ фельдмаршалъ явился и началъ требовать впустить его въ крѣпость, то и его отнюдь не впускать. Предписывалось,

чтобы принца никто не могъ видѣть; когда же впускали въ казарму кого-нибудь для убиранія нечистотъ, то арестантъ долженъ былъ находиться въ это время за ширмами, чтобы его не могли видѣть... Обыкновенно «колодники» не знали, гдѣ они находятся, такъ какъ строго запрещалось сообщать имъ, гдѣ именно они содержатся и далеко-ли отъ Петербурга или Москвы. Караулу запрещалось что бы то ни было разсказывать объ арестантахъ. Видѣвшимъ принца, напримѣръ, подъ страхомъ смертной казни запрещалось говорить, каковъ арестантъ, старъ или молодъ, русскій или иностранецъ и т. п. Какъ извѣстно, принцъ былъ убитъ здѣсь. Похоронили его гдѣ-то тайно, ночью. Здѣсь и до сихъ поръ не перестаютъ искать его могилы, но едва-ли этимъ поискамъ суждено увѣнчаться успѣхомъ.

Мы вышли на дворъ и направились къ одной изъ башенъ.

— Да,—продолжалъ мой спутникъ,—много народу побывало въ этой крѣпости, много умерло въ этихъ стѣнахъ. Нерѣдко сюда заключались люди молодые, полные силъ, надеждъ и замысловъ, широкихъ грандіозныхъ плановъ, которыми такъ богата молодость. Здѣсь они сидѣли десять лѣтъ, старѣлись, тупѣли, дряхлѣли и выпускались отсюда сѣдыми, хилыми, полуразрушенными стариками, неспособными уже ни къ жизни, ни къ счастію... Многіе не переносили ужасовъ заточенія и сходили съ ума или же, постепенно тупѣя, становились идіотами... Ссылались сюда и знатные вельможи-временщики и простые смертные. Бирономъ, во время суда надъ нимъ, содержался здѣсь вмѣстѣ съ своимъ семействомъ до тѣхъ поръ, пока не былъ сосланъ въ Пелымь. Вѣдь и для Петра III, послѣ сверженія его съ престола, было приготовлено здѣсь особое помѣщеніе. Только внезапная смерть избавила его отъ этой страшной участи.

— Если я не ошибаюсь, однимъ изъ первыхъ узниковъ этой крѣпости былъ извѣстный обществен-

ный дѣятель прошлаго столѣтія Николай Ивановичъ Новиковъ?

— Да, этотъ симпатичный, благороднѣйшій дѣятель, горячій поборникъ просвѣщенія, основавшій множество школъ, первый заговорившій о народѣ, о необходимости облегчить его тяжкую участь, пробудившій молодое поколѣніе къ умственной, нравственной жизни, основатель дружескаго общества,—въ награду за свои труды, понесенные на пользу родной страны, роднаго народа, былъ посаженъ въ казематъ Шлиссельбургской крѣпости. Передъ этимъ на слѣдствіи ему предложена была подписка въ томъ, что онъ отказывается отъ своихъ убѣжденій и признаетъ ихъ ложными. Этимъ хотѣли спасти его отъ суда и заточенія. Но могъ-ли пойти на подобную сдѣлку человѣкъ въ родѣ Новикова? Когда ему представилась необходимость выбирать одно изъ двухъ: или казематъ, или измѣну убѣжденіямъ, онъ не колебался въ выборѣ ни одной минуты. И вотъ человѣкъ, который цѣлую жизнь проповѣдывалъ любовь къ родной странѣ, будилъ въ уснувшемъ, лѣниво-равнодушномъ обществѣ благородныя стремленія къ общественной дѣятельности, который подвинулъ на полвѣка образованность нашего народа и впервые создалъ у насъ любовь къ наукамъ, литературѣ и охоту къ чтенію, этотъ человѣкъ запирается въ грязный и мрачный подвалъ-мѣшокъ... Извѣстно, какъ повліяло на него это заточеніе... За нимъ слѣдуетъ цѣлый безконечный рядъ другихъ лицъ, судьба которыхъ нерѣдко была еще болѣе печальна и горька... Сколько разсказовъ сохраняется здѣсь объ ужасахъ крѣпостнаго заточенія. Говорятъ, напримѣръ, что кромѣ *мѣшковъ* здѣсь существовали еще особыя подземныя тюрьмы, подъ водою. Эти тюрьмы соединялись будто бы особыми тайными подземными ходами... Судя по нѣкоторымъ признакамъ, можно думать, что легенды о подземныхъ ходахъ не лишены извѣстной доли справедливости... Посмотрите, напримѣръ, на этотъ сходъ.

Въ эту минуту мы приблизились къ крѣпостной стѣ-

нѣ. Въ срединѣ ея, начиная отъ поверхности земли, выдѣлялось довольно большое отверстіе полукруглой формы. Отъ него шелъ спускъ внизъ: узкая лѣстница со ступеньками изъ бѣлыхъ плитъ вела въ глубь земли. Вокругъ, на землѣ, лежали груды стараго кирпича и камня. Спустившись по лѣстницѣ внизъ, мы очутились на днѣ подземелья, представлявшаго собою довольно просторную комнату со стѣнами, выложенными кирпичомъ.

— Это подземелье, ходъ и лѣстница—все это было замуравлено. Только недавно ихъ очистили отъ кирпича и камня... Обратите вниманіе на кладку кирпича въ этихъ стѣнахъ. Замѣчаете ли вы, что въ срединѣ стѣнъ кладка имѣетъ совершенно другой характеръ, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ, даже кирпичъ другой. Ясно, что здѣсь существовалъ когда-то ходъ, который былъ замуравленъ впослѣдствіи. Постучите сюда палкой, слышите? звукъ совершенно другой, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ; точно тамъ дальше пустое пространство. Можетъ быть, тамъ-то и существовали тѣ подземныя камеры, о которыхъ разсказываютъ легенды. Недаромъ же почти всѣ убѣждены, что здѣсь существовали пытки. Многіе, осматривая казематы, ищутъ слѣдовъ крови на стѣнахъ! Разсказываютъ, что многихъ изъ узниковъ держали въ теченіе всей жизни въ наклонномъ положеніи.... Однако, здѣсь такъ холодно и сыро, что меня пробираетъ дрожь... Идемте наверхъ... О, какъ хорошо здѣсь на солнцѣ! Какая благодатная вещь этотъ свѣтъ, небо, воздухъ. . . . . .

Мы вступили въ коридоръ, чуть-чуть освѣщенный узкой полоской свѣта, падавшаго откуда-то сверху. На насъ пахнуло гнилою сыростью подвала.

— Вотъ она, наша историческая темница,—подумалъ я, не безъ труда взбираясь по ступенькамъ, грубо высѣченнымъ въ каменной массѣ,—вотъ она, наша Бастилія, наша Шпандау. Почти два вѣка служила она пугаломъ ума, эшафотомъ мысли. Печальную память оставила она по себѣ въ памяти народа. Страшную, кровавую роль су-

ждено было играть этой крѣпости въ тѣ мрачныя времена, когда считалось за правило гнать всякое движеніе мысли, давить свободу, насиловать совѣсть, вѣру и убѣжденіе. Ея роль была ролью палача.

Тяжелая дверь, скрипя заржавленными петлями, тихо отворилась.

— Вотъ и мѣшокъ! промолвилъ мой спутникъ и, нагнувшись, переступилъ порогъ. Я вошелъ слѣдомъ за нимъ.

Представьте себѣ пещеру, мрачную, потрясающе-мрачную пещеру, высѣченную въ каменной массѣ съ двумя дырами, просверленными въ этой массѣ; эти дыры замѣняютъ окна. Онѣ сдѣланы такъ высоко, что даже стоя на полу или, вѣрнѣе, на днѣ этой пещеры, вы не въ состояніи что-нибудь видѣть въ эти окна. Но если бы даже вамъ удалось заглянуть въ необыкновенно глубокія оконныя ниши, то вы не увидѣли бы ничего кромѣ позеленѣлыхъ стеколъ въ толстыхъ переплетахъ рамъ, да еще болѣе толстыхъ и частыхъ желѣзныхъ рѣшетокъ. Лучъ солнца вовѣки не проникнетъ сюда, не освѣтитъ, не разгонитъ вѣчнаго мрака, вѣчныхъ сумерекъ, что сгустились въ темныхъ углахъ этой «кельи». Смертью и гробомъ вѣетъ отъ стѣнъ и сводовъ этого подвала. Вы испытываете ощущеніе, какое овладѣваетъ человѣкомъ, попавшимъ въ могильный склепъ. Какъ далеко кажутся отсюда та жизнь, тѣ люди, тотъ міръ, среди которыхъ вы только-что жили и дѣйствовали.

Сыростью, затхлою гнилью насквозь пропитанъ спертый воздухъ. Духъ спираетъ отъ этого воздуха; легкія отказываются работать. Передъ глазами встаютъ зеленые круги и пятна... Тяжелыя, горькія думы лѣзутъ въ голову.

Невольно думается: сколько высокихъ, прекрасныхъ идей погибло подъ сводами этихъ мрачныхъ стѣнъ! Сколько порывовъ чистыхъ, возвышенныхъ и благородныхъ заглохло во мракѣ одиночнаго пожизненнаго заточенія! Сколько свѣтлыхъ стремленій разбилось объ эти толстыя, проржавленныя желѣзныя рѣшетки и тяжелыя окованныя

двери... О, Боже! страшно подумать, сколько жизней, сколько здоровья, молодыхъ силъ, энергіи, счастія и свѣжести отняли у людей эти холодные камни, эти влажныя плиты, эти замки и рѣшетки!.. Во имя чего?...

Да развѣ идею можно задушить? Развѣ мысль можно убить, уничтожить, похоронить? Развѣ правда, добро, любовь, свобода не вѣчны, не безсмертны?.. Какое роковое заблужденіе, какое страшное недоразумѣніе... Погибли люди, исчахли въ цѣпяхъ и казематахъ; тѣла ихъ сгнили, могилы затеряны, имена ихъ забыты потомствомъ. Но идеи по-прежнему живы, стремленія по-прежнему жгучи... Омытыя кровью человѣческихъ страданій, эти идеи сдѣлались безсмертны, эти стремленія стали завѣтной, горячей мечтой всѣхъ, въ комъ шевелится мысль, въ комъ бьется сердце...

Все это такъ, все это несомнѣнно, все это мы давнымъ-давно знаемъ, но зачѣмъ же опытъ не научаетъ насъ?! Обидно и больно, больно нестерпимо...

Я вижу, что мой спутникъ что-то говоритъ мнѣ.

— Не хотите-ли теперь посмотрѣть нашъ клубъ? Кстати сегодня у насъ танцовальный вечеръ. Будетъ много народу... Очень порядочная музыка... Не вздумаете-ли побывать?.. А теперь пора на воздухъ, право здѣсь можно задохнуться,—дышать нечѣмъ...

Вечеръ. Шумно и весело въ крѣпостномъ клубѣ. Кромѣ обычныхъ гостей и посѣтителей наѣхало много знакомыхъ изъ Петербурга. Отсутствіе кавалеровъ, отсутствіе, которымъ хронически страдаютъ провинціальные клубы, на этотъ разъ совсѣмъ не было замѣтно. Мамаши, покойно разсѣвшись вдоль стѣнъ главнаго зала, съ довольнымъ видомъ слѣдили, какъ ихъ дочки полонили и вербовали себѣ кавалеровъ изъ наѣхавшей молодежи. Со-

лидные люди усѣлись за карты. Составилось цѣлыхъ пять столовъ, цифра небывалая въ лѣтописяхъ крѣпостного клуба. Впрочемъ не мѣшаетъ замѣтить, что лѣтопись эта черезъ-чуръ молода, такъ какъ клубъ существуетъ не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ.

Музыка грянула вальсъ, и разодѣтыя барышни съ веселыми, разгорѣвшимися лицами понеслись и закружились на паркетѣ.

Все громче играетъ музыка, постепенно ускоряя темпъ; все быстрѣе, все бѣшенѣе кружатся пары танцующихъ. Въ воздухѣ душно и жарко. Жидкимъ свѣтомъ горятъ лампы и канделябры. Бѣлобрысая петербургская ночь глядитъ въ окна.

На крѣпостномъ дворѣ барабанъ бьетъ зорю. Солдаты съ ружьями скорымъ маршемъ идутъ смѣнять караулы... Необычайность всей обстановки возбуждающимъ образомъ дѣйствуетъ на нервы; усиленно работаетъ воображеніе. Въ головѣ возникаютъ картины изъ далекаго и недавняго прошлаго. Какъ въ панорамѣ развертываются печальныя картины печальнаго прошлаго...

«Прошлаго тѣни встаютъ предо мною!»

Тѣни людей истомленныхъ, измученныхъ въ погребахъ и казематахъ, что виднѣются изъ этихъ оконъ.

Глухая, молчаливая ночь. Глубокій снѣгъ бѣлымъ саваномъ окуталъ землю. Холодный вѣтеръ съ воемъ несется надъ печальной пустынной равниной. Хмурое небо. Тяжелыя, темныя клочья разорванныхъ облаковъ низко повисли надъ землей. Ни луны, ни звѣздъ... Чуть-чуть звякаетъ колокольчикъ. Среди сугробовъ едва замѣтной лентой вьется узкая дорога. Тройка измученныхъ лошадей тащитъ «темную карету». Эта карета-возокъ, наглухо укрытый рогожей, окрашенный въ черный цвѣтъ. Карета подъѣзжаетъ къ воротамъ крѣпости. Изъ нея выходятъ двѣ сѣрыя, высокія фигуры. Начинаются переговоры.

Ворота раскрываются, и повозка медленно вползаетъ во дворъ, нестерпимо царапая желѣзными полозьями о

голые камни подъѣзда. Точно изъ земли выростаютъ цѣлые ряды сѣрыхъ фигуръ съ фонарями въ рукахъ. Карета останавливается у одной изъ башенъ. Изъ нея, звякая цѣпями, выходитъ кто-то въ черномъ. Все это молча направляется къ башнѣ. Гремятъ замки и засовы желѣзные, визжатъ ржавыя петли. Тяжелыя двери со стономъ отворяются. За ними зіяетъ, словно пещера, темный, смрадный, сырой и мрачный мѣшокъ. Еще минута,—и снова стонутъ двери, снова гремятъ замки. Какъ привидѣнія исчезаютъ сѣрыя фигуры, и все смолкаетъ. Ни звука, ни шороха. Могильная, гробовая тишина... Черная фигура безпомощно озирается вокругъ. Огарокъ свѣчи тускло и печально мерцаетъ въ углу. Кругомъ густая тьма все ширится, все расплывается... Въ головѣ стоитъ тяжелый, какъ свинецъ, туманъ. Какая-то тупая, почти машинальная покорность судьбѣ сковываетъ мысль. Что-то фатальное, неизбѣжное, непоборимое чувствуется во всемъ, что-то такое, противъ чего невозможно ни бороться, ни протестовать. Страшная подавленность гнететъ сознаніе, не даетъ ему очнуться хоть для того только, чтобы представить себѣ весь ужасъ новаго положенія... Медленно, мучительно-медленно тянется время...

Но жизнь не ждетъ, и дни, недѣли, годы уходятъ въ вѣчность, унося съ собою бодрость и силы и оставляя взамѣнъ сѣдины и упадокъ нравственныхъ и физическихъ силъ. Все больше блѣднѣетъ, стирается и замираетъ въ душѣ колодника надежда на лучшее будущее. Только временами, изрѣдка вспыхиваетъ она яркимъ, бѣглымъ пламенемъ, какъ вспыхиваютъ иногда потухающіе угли костра.

— Да, пройдетъ еще годъ, два, три, ну пять, наконецъ, и обо мнѣ вспомнятъ, развѣ можетъ быть иначе? и тогда-то я снова стану свободной, вольной птицей... Дверь отворяется, и входятъ тюремщики. По лицамъ ихъ я вижу, что они принесли на этотъ разъ хорошую, добрую вѣсть... Сердце сжимается отъ радости, я долго не вѣрю своимъ

глазамъ, своимъ ушамъ... Не сонъ-ли это? Такихъ сновъ было такъ много. Какъ часто они безчеловѣчно, безжалостно обманывали меня!.. Давно-ли я держалъ въ своихъ объятіяхъ свою бѣдную, старую мать? Я рыдалъ, она заливалась слезами. Жгучія слезы упали на мое лицо, я поднялъ голову, грязное изголовье тюремной койки было смочено слезами... Это былъ сонъ. Но теперь нѣтъ! Эти раскрытыя двери, этотъ весенній гамъ, врывающійся въ тюрьму вмѣстѣ со свѣжей струей свѣтлаго, уличнаго воздуха, это не сонъ, это сама жизнь... Я вижу—

Ликуетъ день, щебечутъ птицы,
Красою блещутъ небеса,
Доходятъ до дверей темницы
Любви и воли голоса.

Я свободенъ, свободенъ, какъ вѣтеръ, какъ птица... Я могу итти, могу летѣть туда, куда хочу. Могу жить тамъ, гдѣ вздумаю, могу быть съ тѣми, кого люблю... И такъ дальше, какъ можно дальше отъ этихъ проклятыхъ стѣнъ, отъ этихъ проклятыхъ башенъ!.. Вотъ выступаетъ городъ огромный, широко раздвинулся онъ во всѣ стороны. Цѣлый безконечный лабиринтъ длинныхъ и короткихъ, широкихъ и узкихъ улицъ, громады церквей и дворцовъ, остроговъ и казармъ. Заводы, магазины, фабрики, монастыри. Грохотъ экипажей, звонъ колоколовъ, крики разносчиковъ, пестрая, суетливо бѣгущая толпа, шумъ и гамъ милліоннаго населенія, Это Москва. Да, это она, милая сердцу Москва. Встаютъ и тѣснятся дорогія, завѣтныя воспоминанія молодыхъ, прожитыхъ лѣтъ. Какъ живыя, встаютъ фигуры друзей. Вспоминаются долгіе, зимніе вечера, безконечные споры, тѣ живые, горячіе, какъ сама юность, искренніе споры, какіе возможны только въ молодости, «для которой все блескъ впереди». Ярко воскресаетъ въ памяти эта свѣтлая пора энтузіазма, пора увлеченій, пора беззавѣтной вѣры въ людей, въ несокрушимую силу добра и свѣтлое будущее, вѣры въ свои силы, въ свое призваніе, въ свою звѣзду, пора свѣжести и здоровья, пора крѣпкихъ,

неразстроенныхъ нервовъ и покойнаго сна. Время, когда мы жаждали подвиговъ и славы, дружбы, любви, участія, когди мы были готовы страдать, терпѣть, сносить гоненія, лишенія, невзгоды, когда мы повторяли: «жизнь-борьба» и смѣло готовились къ схваткѣ со всѣмъ, что стояло на дорогѣ къ общему счастію, я шлю тебѣ, дорогое время, сердечный привѣтъ! Знай: ни для укора, ни для сожалѣнія нѣтъ мѣста въ моей душѣ... Вспомнились друзья,

Вспомнились тѣ, что когда-то такъ смѣло
Вышли на битву съ неправдой и зломъ...

«О, гдѣ то теперь вы?!..» А вотъ въ кружкѣ друзей выдѣляетея свѣтлый образъ *ея*. Она все та же, тотъ же прямой, открытый взглядъ, тѣ же смѣлыя, красивыя движенія, та же искра мягкой, вдумчивой грусти свѣтится въ голубыхъ глубокихъ глазахъ. Только блѣдныя щеки стали еще блѣднѣй, только тѣнь горечи и скорби легла на знакомыя, милыя черты. Я вижу, ты не забыла былаго минувшаго счастія, ты не простила судьбѣ за то, что она отняла у тебя... Ты была любимица моей матери... Но гдѣ же она? Гдѣ моя бѣдная, моя дорогая, изстрадавшаяся мать?.. Къ ней, къ ней скорѣе! Увидѣть ее, обнять, прижать къ сердцу крѣпко, горячо, вотъ что нужно теперь мнѣ больше всего на свѣтѣ... Она далеко. Вдали отъ обѣихъ столицъ, среди широкихъ полей и луговъ, на высокомъ берегу большой рѣки ютится маленькій уѣздный городокъ. Съ одной стороны лѣсъ, съ другой поля почти вплотную подходятъ къ нему... Знакомыя, родныя мѣста! Какое приволье! Какой просторъ!.. Вотъ роща пахнетъ сосной и распускающимися почками березы. По вечерамъ, въ густыхъ кустахъ орѣшника долго поютъ соловьи... Все ближе, ближе... Какъ сильно бьется сердце... Вотъ и домъ; въ немъ я родился и выросъ. Я спѣшу къ крыльцу, хочу вбѣжать по знакомымъ ступенькамъ, но ноги вдругъ подкашиваются, силы оставляютъ меня. Я задыхаюсь. Какъ трудно дышать степнымъ свѣжимъ воздухомъ больной, надорванной груди... А тутъ еще этотъ тяжелый сѣрый халатъ; онъ давитъ гне-

тетъ меня. Зачѣмъ онъ здѣсь? Развѣ я не свободенъ?... Только теперь я вижу, какъ я худъ, какъ слабъ... Точно щепки, высохли руки. Кашель душитъ меня... Ахъ, но стоитъ-ли думать объ этомъ: здѣсь меня ждетъ покой, любовь и ласка. А съ ними придетъ и здоровье, вернутся силы, я снова поправлюсь; я еще молодъ, я могу жить еще долго, долго... О, какъ я буду ходить за тобой, лелѣять тебя, моя родная! Ты такъ много, такъ одиноко страдала, такъ долго хоронила въ себѣ свои муки, молча, ни съ кѣмъ не дѣля своего горя. Теперь я заставлю тебя позабыть твои муки, я верну къ тебѣ тѣ былые свѣтлые дни, что улыбались намъ когда то,—помнишь? давно-давно.. Но отчего ты не встрѣчаешь меня?..

Длинный столъ стоитъ среди комнаты. Тускло мерцаютъ свѣчи, пахнетъ ладономъ. Монотонно журчитъ голосъ читальщика. Бѣлый саванъ скрываетъ холодные, окоченѣвшіе члены. Какъ осенній листъ, пожелтѣло лицо. Смерть застыла въ дорогихъ милыхъ чертахъ. . . . . .

— Цѣльную ночь бредилъ, какъ есть напролетъ, цѣльную ночь... И плакалъ, и кричалъ невѣсть что такое, сумрачно говоритъ тюремщикъ усатому крѣпостному фельдшеру, явившемуся провѣдать больного, а теперь стихъ: молчитъ. Развѣ только вздохнетъ, да глазами поводитъ...

Фельдшеръ молча подошелъ къ койкѣ и заглянулъ въ широко раскрытые, неподвижно устремленные въ даль глаза больного. По привычкѣ онъ хотѣлъ было пощупать пульсъ, но прикоснувшись къ исхудалой, холодѣвшей рукѣ арестанта, онъ вдругъ остановился и махнулъ рукой.

— Что ты?

— Готовъ... Копайте могилу. И онъ отвернулся, почувствовавъ на себѣ тяжелый неподвижный взглядъ умиравшаго.

— Pardon, monsieur! раздалось около меня. Я оглянулся. Дирижеръ танцевъ, высокій, заѣзжій офицеръ въ шикарномъ мундирѣ несся подъ руку съ дамой—красивой и стройной блондинкой. За ними слѣдовалъ рядъ танцующихъ паръ. Заѣзжій дирижеръ задумалъ какой-то необычайный, фантастическій chaine. Кругомъ все шумно и весело смѣялось и двигалось... Старцы кончали винтъ и съ серьезными минами подводили итоги... Я пошелъ отыскивать свою шляпу...

---

20 сентября
1880 года.

Изданія „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

47. **И. Франко**—На днѣ . . . 9 к.
48. **А. Купринъ**—Молохъ . . 12 к.
49. **В. И. Немировичъ-Данченко**—Воскресшая пѣснь . . 5 к.
50. **В. Вересаевъ**—Повѣтріе . 4 к.
51. **И. П. Бѣлоконскій**—Деревня Печальная . . . . . 3 к.
52. **В. І. Дмитріева**—Волки . 3 к.
53. **В. Таиаевская**—Безпокойная 3 к.
54. **И. И. Митропольскій**—На плотахъ . . . . . 3 к.
55. **В. Г. Короленко**—Черкесъ (съ 2 рис.) . . . . . 4 к.
56. **В. Вересаевъ**—Звѣзда (восточн. сказка) . . . . . 1½ к.
57. **Н. Д. Телешовъ**—Противъ обычая . . . . . 2 к.
58. **А. Яблоновскій**—Въ консультаціи . . . . . 3 к.
59. Пѣсни труда . . . . . 5 к.
60. **Темный**—Сироткинъ (изъ жизни рабочихъ) . . . . . 3 к.
61. Только часъ. **А. Крандіевской** и др. разсказы . . 10 к.
62. **И. Бунинъ**—Надъ городомъ 1 к.
63. **Елпатьевскій**—Отлетаетъ мой соколикъ (изъ сибярск. жизни) . . . . . 2 к.
64. **К. Станюковичъ**-Эмигрантъ 3 к.
65. Избранныя стихотворенія **С. Я. Надсона** и др. поэтовъ 3 к.
66. **Л. Андреевъ**—Ангелочекъ . 3 к
67. **Л. Андреевъ**—Жили-были . 3 к.
68. **Синталецъ**—Атаманъ . . 2 к.
69. **А. Серафимовичъ**—Въ камышахъ . . . . . 2 к.
70. **Н. Рубакинъ**—Дѣдушка Время . . . . . 7 к
71. **А. Яблоновскій**—Завѣтная мечта . . . . . 3 к.
72. **С. Елпатьевскій**—Присяжнымъ засѣдателемъ . . . 2 к.
73. **В. Вересаевъ**—Къ спѣху . 1 к.
74. **А. Серафимовичъ**—На льдинѣ . . . . . 3 к
75. **Л. Мельшинъ**—Маленькіе люди . . . . . 4 к
76. **Е. И. Булгакова**—Что за страна Японія . . . . . 5 к.
77. **И. П. Бѣлоконскій**—Какъ живутъ японцы . . . . 8 к.
78. **М. Д. Телешовъ**—Хлѣбъ-соль . . . . . 1½ к.
79. **И. П. Бѣлоконскій**—Корея 4 к.
80. **В. Г. Короленко**—Соколинецъ . . . . . 7 к.
81. **Е. И. Чириковъ**—Коля и Колька . . . . . 2 к.
82. **С. Елеонскій**—Грубіянъ . 7 к.
83. **С. Русова**—Братья Гракхи 3 к.
84. **Н. Телешовъ**—Нужда . . 1½ к.
85. Избран. стихотв. **Алексѣя Толстого** и др. поэтовъ . 3 к.
86. **К. Н. Боженко**—На войну 5 к.
87. **Э. Зеля**—Кровь . . . . 3 к.
88 **Танъ**—Елка въ Америкѣ . 4 к.
89 **Г. И. Успенскій**—Будка . . 3 к.
90. **В. Г. Короленко**—Мгновенія и Огоньки . . . . . 3 к.
91. **Пѣсни мира**. Сборн. стих. 2 к.
92. **В. Н.-Данченко.**—Соловьиная ночь . . . . . 1 к.
93. **И. П. Бѣлоконскій**—Страшное мѣсто . . . . . 1½ к.
94 **Э. Мирбо.**—Бродяга . . . 1 к.
95. **Э. Поступаевъ**—Пѣсни рабочей жизни . . . . . 10 к.
96 **Н. И. Тимковскій**—Травля 5 к.
97 **И. Наживинъ**—Волосъ Мадонны . . . . . 1 к.
98 **И. Франко**—Къ свѣту . . 3 к.
99 **Е. Чириковъ**—Въ отставку 7 к.
100 **Зарницы**—Сборникъ стихотвореній . . . . . 5 к.
101 **Л. Андреевъ**—На станціи 1 к.
102 **И. А. Бунинъ**—На край свѣта. . . . . 1½ к.
103 **Н. Рубакинъ**—Искорки . . 5 к.
104 **В. Г. Короленко**—Марусина заимка . . . . . 10 к.
105 **П. Я.** (Л. Мельшинъ)—Избранныя стихотворенія . . 6 к.
106 **Л. Н. Андреевъ**—Въ темную даль . . . . . 3 к.
107 **Л. Н. Андреевъ**—Валя . . . 2 к.
108 **В. Вересаевъ**—Объ одномъ домѣ . . . . . 3 к.
109 **В. Г. Короленко**—Послѣдній лучъ . . . . . 3 к.
110 **В. Г. Короленко**—Морозъ . 4 к.

Здѣсь же складъ.

Н. А. Рубакинъ.—Искорки . . . . . 1 р. —

Цѣна 8 коп.

Главный складъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону, Пушкинская № 131.

Лица, выписывающія на 2 руб. въ предѣлахъ Европ. Россіи (просятъ деньги присылать впередъ, можно марками), за пересылку не платятъ.

Книжные магазины пользуются 30% скидкой; при заказѣ на 75 руб. (Европ. Росс.) по желѣзн. дор. пересылка принимается за счетъ издательства.

ОТДѢЛЕНІЯ:

Въ Ростовѣ н-Д.—книжный магазинъ Г. Городецкаго, Б. Садовая.
Въ Петербургѣ—въ книжн. магаз. О. Н. Поповой, Невскій, 51.
Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“, Тверская улица.
Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская ул
Въ Вяткѣ, „ Саратовѣ, „ Харьковѣ — книжные склады губернскихъ земствъ.

Дозв. ценз. Ростовъ н-Д. Тип. Т-ва „Донская Рѣчь“.